

© 2013 г.

Анна Голова

кандидат социологических наук, доцент
заместитель заведующего кафедрой Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ)
(e-mail: anngelus@mail.ru)
(e-mail: golova.a @rggu.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗРУШЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Механизмы разрушения семейных отношений лежат в социальной, политической и экономической плоскостях. Они связаны с секвенцией основных функций семьи, в том числе экономических, а также с девальвацией традиционных ценностей. Субъекты рыночных отношений стимулируют ампутацию семейных связей, создавая продукты, замещающие формы взаимодействия в семье и предоставляя финансовые ресурсы для формирования деструктивной информационной среды. Следствием этого является не только разрушение репродуктивной функции семьи и депопуляция населения, но и подрыв патриотических основ общества, что может привести к потере национальной целостности. Решение проблемы – в использовании комплекса мер, связанных не только с финансовыми инструментами по стимулированию рождаемости, а прежде всего, с восстановлением общественно значимого статуса семьи и формировании контрастной ценностной ориентации.

Ключевые слова: демография, депопуляция, брак, семейные отношения, семья, развод, ценности, гендерные роли, семейная иерархия, межпоколенческая солидарность, труд, информационная среда, коммерциализация.

Демографическая ситуация в нашей стране приняла масштабы национальной угрозы. Государство принимает программы по стимулированию рождаемости, защиты материнства и детства но результаты этих программ пока не решают проблему депопуляции населения, которая обусловлена сопряжением нескольких процессов в политических, социальных и экономических сферах и является индикатором глубинных изменений социально-культурных основ общества, в том числе и его основы – семейной ячейки.

Существуют определенные противоречия в оценке ситуации, связанной с семьей и семейными отношениями. На конференции «Семейные ценности в современном информационном пространстве» (Нижний Новгород, 2012) было высказано идеалистическое мнение, что у молодежи

сохраняется понимание семейных отношений как нравственного долга. Этот тезис опирается на исследования Левада-центра в 2007 году, показавшего, что «мотивация для вступления в брак в общественном мнении в СССР XIX89 года и в России 2007 года примерно одинакова»¹. Наиболее существенным мотивом, побуждающим заводить семью, – воспитание детей, продолжение рода (61% в XIX89 и 57% в 2007). Остается желание иметь рядом человека, который поймет и поддержит в любой ситуации (41% в XIX89 и 45% в 2007). На третьем месте – спасение от одиночества, стремление быть кому-то нужным и самому проявлять заботу.

Однако эти данные требуют иной интерпретации. С 80-х годов начинается ментальный кризис нашего общества, в эти годы Россия выходит в лидеры мира по «коэффициенту разводимости» (в настоящее время колеблется 4,7-5,2), после нас – Белоруссия, Латвия, Словения, Молдавия и США – 3,4². Хотелось бы подчеркнуть, что в XIX60 году российский показатель составлял 1,54 и был почти в 1,5 раза меньше, чем в США. Более половина браков россиян распадается (в 2011 на 1083 тыс. браков – 550,7 тыс. разводов). По последним обследованиям, представления о счастливом супружестве у московских студентов НЕ включают детей³. Но и в самых обеспеченных странах растет процент добровольной бездетности «child free» (до 20% мужчин и женщин старше 45 лет), само явление не осуждается более 80% населения. Это свидетельствует о том, что описанная выше мотивация на поддержку комфорта и безопасности при совместном проживании не ведет к прочным семейным союзам и репродуктивной деятельности. Многие ученые озабочены глубоким системным кризисом в семейных отношениях, ведущим к депопуляции и гражданским конфликтам, и недостаточностью государственных мер по регулированию демографических проблем.

В центре семьи обычно стоит союз мужчины и женщины (как наиболее разносторонние и прочные отношения), вокруг которых нарастают связи остальных членов союза. Основа брака имеет биологические корни в эволюционных механизмах двуполого размножения живой природы. Функции сохранения генофонда возложены на женскую особь, а приобретение новых качеств и соответственно восприятия рисков окружающей среды – на мужскую. Отсюда некоторые физиологические различия и, главное, когнитивные и эмоциональные способности у гор-

¹ Семья и брак в XIX89 и 2007 годах // Пресс-выпуск 2010 01 февраля// URL: <http://www.levada.ru/press/2010020101.html> (дата обращения 11.01.13)

² Demoscope.ru (эл. информационный портал.) URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40di.php> (дата обращения 07.05.13)

³ Борусяк Л. Любовь секс, партнерство. //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 29. (108) С. 99-116.

монально развитых представителей обоих полов. Набор технологий современного человека, способный корректировать медикаментозно или хирургически природу человека, поправил биологическую целесообразность брака мужчины и женщины, но актуализировал другие формы совместного проживания.

Традиционная семья – это устойчивая социальная группа нескольких поколений людей (чаще всего совместно проживающих), ведущих совместное хозяйствование, но не всегда имеющих кровные родственные связи. Семья может иметь несколько домохозяйств (как демографическая категория), и проживающие в одном домохозяйстве могут не идентифицировать себя как семья.

Такая форма совместного существования наделяла семью как ячейку общества различными функциями – экономическими (обеспечение материальными условиями и пропитанием всех членов семьи, а также наращивание ресурсов для развития семейного капитала), социальными (защита всех членов семьи, воспитание подрастающего поколения, передача опыта и т.п.), репродуктивными – рождение новых членов и др. Совместная созидательная деятельность, прежде всего трудовая, и воспитание детей помогали аккумулировать и ретранслировать опыт поколений и создавали устойчивые основы для формирования разносторонних отношений в семье. Только баланс многообразных функций позволял воспроизводить эту форму семейных отношений вне религиозного сознания. Миссия семьи как малой церкви и одной из форм личного спасения – другое ее обоснование, оно воспринимается только воцерковленными членами общества. Лозунги типа «семья как гражданский долг» в условиях крайнего индивидуализма, атомизации общества и космополитизма ведут лишь к профанации. Население все меньше заботится о нравственном долге, тем более «священном» – это дискурс героического военного и послевоенного периода, все меньше руководствуется христианскими заповедями, трактующими темы спасения, миссии, жертвы, подвига и т.п.

Современные условия атрофируют все основные функции семьи. Семья давно перестала быть экономической категорией. Крупный «семейный бизнес» и «семейные фирмы», сформировавшиеся в прошлом веке, во всем мире имеют дивергентный акционерный капитал, а современные предприятия образуются на иных основаниях (кроме как в коррумпированных развивающихся странах и в умирающем малом бизнесе). Благодаря государственному пенсионному обеспечению, равноправию мужчин и женщин все взрослые члены семьи приобрели экономическую самостоятельность, по крайней мере, на уровне прожиточного минимума. А система социальной защиты постепенно создает платформу материальной независимости детей. Дотации на ребенка выделяют его в само-

стоятельный субъект экономических отношений. Сепаративная система налогообложения (по личному доходу) не консолидирует членов домохозяйства. То есть экономические основания совместного проживания и хозяйствования ликвидирует либеральная политика государства. Американский демограф А. Карлсон утверждает, что такая система социального обеспечения и страхования возникла как суррогат семьи¹. Изживается экономическая целесообразность вести совместное проживание и хозяйствование. Такая целесообразность частично осталась в сельской местности, где многообразие форм деятельности позволяет всем членам (с разными физическими возможностями) как-то участвовать в совместном хозяйствовании. Введение ювенальной юстиции обусловило внешний контроль над финансами семьи. Анализируя либеральные преобразования в европейских странах, Г. Победоносцев еще в конце XIX века предсказывал, что произойдет «крайнее умножение людей, которые ищут себе опоры в государстве, питаются его силами, ... отсюда при ослаблении в нравах самостоятельности, крайнее усложнение государственной и законодательной власти, принимающей на себя заботу о многом, о чем каждый для себя сам должен бы заботиться»². Можно наблюдать, с одной стороны, огромные претензии к государству, которое не обеспечивает «достойную жизнь», неправильно воспитывает молодых, мало помогает семьям, а с другой – нежелание брать на себя ответственность за будущее свое (в том числе экологическое) и своих детей.

В 2012 году произошло изменение соотношения субагрегатов индекса потребительских настроений (ИПН). В России индекс ожиданий впервые за время исследований с XIX93 года сравнился с индексом текущего состояния³, что свидетельствует о начале доминирования презентативной временной ориентации. Это свидетельствует о стремлении жить утилитарным настоящим, об отказе от перспектив и надежд, и, следовательно, об отказе от долгосрочного планирования в личной жизни, что типично для западных стран. Реализовываться это стремление будет в частности в рискованном росте кредитов и займов, увеличении импульсных покупок на потребительском рынке и в подсознательном нежелании обременять себя какими – либо заботами, в том числе детьми.

¹ Карлсон А. Общество - Семья - Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М.: Грааль, 2003, 288 с.

² Победоносцев Г. П. Великая ложь нашего времени // Церковь и демократия М.: Отчий дом, XIX96. С. 26.

³ Индекс потребительских настроений в сентябре // Левада - центр. Аналитический центр Юрия Левады. (эл. информационный портал.) //URL.: <http://www.levada.ru/01-10-2012/indeks-potrebitelskikh-nastroenii-v-sentyabre> (дата обращения 14.10.12)

Построение глубоких отношений во время совместных развлечений или отдыха – крайне сложно. Развлечение имеет автотелическую мотивацию, результат этой деятельности заложен в ней самой, собственно и цель ее – поддержать или усилить уровень эмоционального комфорта. Структурные изменения во времени человеческого бытия, увеличение времени на досуг и развлечение только усиливают тенденцию формирования легких, непрочных связей. В этом ракурсе семья становится предприятием по предоставлению эмоциональных услуг.

Параллельно происходит кардинальное изменение отношения к труду среди разных поколений. Признаки деформации функций труда в городском сообществе замечал еще Ф. Теннис в конце XIX века. Урбанизация – это не только рост численности городского населения, но переименование городского образа жизни жителями других форм поселений. Поэтому данные тенденции стали распространяться на все общество, в том числе в сельской местности. Современные пенсионеры забыли о рукоделии, шесть соток стали газонами, даже в сельских районах отказываются от элементарного труда на подсобном хозяйстве. Сложился стереотип об экономической неэффективности подсобного хозяйства и частной трудовой деятельности (хотя методики расчета не принимают во внимание социальные эффекты). Выгодно, чтобы человек был включен в систему международного распределения труда, потреблял продукцию агропромышленных корпораций и был зависим от поставок в магазины. Исследования другого возрастного полюса показывают, что для молодежи трудовая деятельность и даже учеба являются только инструментами благополучия и перестают быть сферой самореализации. Трудовое сообщество (одногоруппники или коллеги) не является социально значимой (референтной) группой для молодежи в их повседневных практиках. А ведь трудолюбие – не только нравственное, но и системообразующее качество семейных отношений, которые укрепляются в процессе трудовой деятельности, требуют распределения обязанностей, координации, преодоления трудностей и конфликтов ради общего результата.

Важнейшая функция совместного проживания была в социализации молодежи, в трансляции традиций и опыта поколений. М. Вдовина отмечает, что именно эта функция атрофируется в современном обществе, благодаря тому, что структурными составляющими конфликтов являются ценностные и нормативные противоречия между поколениями. Причем «первопричиной расхождений между поколениями в ценностных ориентациях и правилах поведения в семье являются радикальные общественные и институциональные изменения»¹, то есть экзогенные факторы.

¹ Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в Российской семье. М.: МосГУ, 2009. С. 59

С одной стороны, в массовом порядке девальвировался сам «опыт поколений», благодаря переоценке достижений предшественников и пересмотру истории. С другой стороны, поколение Y и Z сами обучают старших пользоваться современными ресурсами. Фактически диаметрально поменялся вектор передачи социального опыта. Соответственно идет последовательный процесс разрушения семейной иерархии. Авторитет родителя уже в XIX веке подрывался школьным учителем, сегодня на это работают многие медиа и законодательные инициативы (вроде ювенальной юстиции). В результате функции социализации берут на себя иные институты, в том числе потребительский рынок. С появлением первых универмагов в конце XIX века распространялись объявления, что в них полезно приводить детей, поскольку здесь они «учатся себя вести в обществе и раскрывается их индивидуальность». Все это приводит к разрушению межпоколенческой сплоченности и солидарности.

Все меньше рациональных причин для преодоления конфликтов во время совместного проживания. Различные хозяйственные проблемы решаются коммерческими услугами. «Муж на час» может что-то починить или передвинуть мебель. Секция полуфабрикатов в супермаркете или «еда на вынос» в ресторане заменит хозяйку на кухне. Вещи не требуют штопки и починки – их проще выбросить. Хозяйствовать достаточно легко в одиночку. Проще заплатить, чем кого-то просить. Все меньше нужды во взаимных услугах и в совместной деятельности в жизни супругов. Психологический дискомфорт сегодня легко заместить если не психоаналитиком, то каким-либо развлечением, в избытке предлагаемым рынком, или, в крайнем случае, домашним питомцем. Коммерциализация бытовых практик и «включенность в потребление» (готовность платить за услуги, которые раньше оказывались на дружеских или родственных основаниях) создают целую группу факторов, детерминирующих процессы трансформации традиционной семьи. Коммерческие предложения внедряются в семейные отношения, замещают традиционные функции семьи и формы взаимоотношений.

Еще один фактор, влияющий на семейные отношения, заключается в разрушении системы гендерных ролей. Деиндустриализация позволяет женщинам быть профессионально успешнее, чем мужчины. Мужчины и женщины не только меняются ролями, но и интересами, привычками и даже образом мышления. Постепенное разрушение системы формирования гендерных ролей начинается еще в школе (даже урок труда теперь смешанный). Причем в этом заинтересованы субъекты рынка, поскольку так называемые «метросексуалы» и представители нетрадиционной ориентации самые активные и вариативные потребители, ради них ассортимент предложений потребительского рынка постоянно расширяется, со-

ответственно все больше средств выделяется для пропаганды новых социальных образцов.

Экономика нуждается в ресурсах, которые черпает из рыночных ниш, возникающих в сфере семейных отношений, в том числе: 1) рынка средств, регулирующих рождаемость (от презервативов и абортариев, до искусственного оплодотворения); 2) расширения ассортимента товаров и услуг для мужчин (уход за собой, мужская косметика, мужская мода) и для смешанного гендерного стиля жизни; 3) рынка омоложения и способов продления молодежного образа жизни; 4) рынка товаров и услуг, замещающих семейные традиции и способы взаимодействия. Потребление продуктов этих рынков требует изменения всего образа жизни человека, его интересов и ценностных ориентаций. Происходит конвертация ценностей труда, самосовершенствования и развития, опыта поколений и гендерных различий в ценности индивидуализма, независимости, самодостаточности и гедонизма.

Секулярное сознание воспринимает вынашивание ребенка как просто технический процесс, на котором можно еще и заработать. Человек, как полный «хозяин своей жизни», сдает в аренду свои органы, в данном случае детородные (на этом принципе укореняется и проституция). Популярны в мире русские женщины как суррогатные матери¹, еще больше распространено донорство яйцеклеток. Роль матери как священной «хранительницы очага» и прародительницы нивелируется, при этом отец легко замещается новыми коммерческими предложениями. И дотации на второго и третьего ребенка не гарантируют становление биофильных ценностей, а только решают финансовую частную проблему. Сломлен жизнеобразующий стержень – сакральность зарождения жизни как нечто святого и недоступного воле человека. Даже среди многодетных семей распространены аборты. Создалась иллюзия, что в полифоничном и толерантном мире все формы бытия и отношений позволительны и имеют право на существование. Потеряна система координат «что хорошо – что плохо», разрушены общественные и нравственные регуляторы семейных отношений: «Бога не боимся, людей не стыдимся, от закона откупаемся».

Искусственно созданная информационная среда, зависящая от финансовых ресурсов указанных экономических субъектов, стимулирует эти процессы. В последнее время гротескные формы «квазисемейных»

¹ Кучук А. Журналистка «КП» попыталась стать суррогатной мамой. // Комсомольская правда, 2011. 13 декабря. (эл. версия газеты) URL: <http://www.kp.ru/daily/25803/2783705> (дата обращения 14.01.13)

Тимофеева А. Младенец по контракту. Растет число женщин, готовых стать суррогатными матерями. // Российская газета. Регион. RG.RU(эл. версия газеты) // URL: <http://www.rg.ru/2012/12/06/reg-sibfo/mat.html> (дата обращения 14.01.13)

отношений получают все большую долю медийного пространства. Общественное мнение уже не шокировано, не негодует, а постепенно привыкает к деградации межличностных отношений, в том числе и семейных. Во-первых, это возрастные мезальянсы «лидеров общественного мнения», особенно популярные среди «культурной элиты». Во-вторых, шум представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, вне зависимости от ракурса обсуждения. Сам факт фиксации феномена в СМИ уже дает инъекцию обществу, притупляющую остроту восприятия проблемы. В-третьих, это создание ажиотажа вокруг суррогатного материнства и «отцов-одиночек» (об этом в различных сценариях разыгрываются как комедии, так и трагедии), особенно среди селебрити. В-четвертых, популяризация научных достижений по искусственному оплодотворению, омоложению и генной инженерии. В-пятых, демонстрация искаженного ролевого поведения в семьях. «Семейные» сериалы «Счастливы вместе», «Воронины», даже милые «Папины дочки» показывают очень странных отцов, стоящих на ступени развития ниже младших детей в этих ячейках. Отрабатывается такой механизм внедрения инородных явлений: на первом этапе нивелировать оценку общественного мнения, затем поменять полярность и, в конце концов, признать девиантные формы за норму.

Центробежные силы запущены, все меньше причин беречь целостность семьи, преодолевать психологический дискомфорт и конфликты. Все меньше механизмов, позволяющих формировать глубокие отношения. Опыт Китая показывает, что, несмотря на послабление «политики одного ребенка» с 2004 года, городские китайцы уже не хотят иметь больше одного ребенка, хотя пенсионная система обязывает молодых обеспечивать престарелых родителей. Вроде экономическая и политическая целесообразность наличествует, но репродуктивная ментальность уничтожена новыми интересами. Финансовое стимулирование рождаемости в России дает некоторые положительные количественные показатели, но не решает задачу качества генофонда. Более того, отношения в семье экстраполируются на отношение к Родине, распространяется космополитизм и латентный антипатриотизм. Все больший процент молодежи готовы уехать из страны. По данным Левада-центра, в 2011 году уехать навсегда из страны высказали желание 22% взрослого населения. При этом «на время, поработать» подумывают 59% молодых респондентов, «уехать учиться» – 48%, «навсегда» – 28%¹. Поэтому решение проблем семьи и депопуляции могло бы консолидировать общество и государство.

¹ Пустая страна // Новая газета, 2011. 11 июля № 74 С. 8

Семья – это трудовой процесс, это совместная созидательная деятельность во имя личного совершенствования, улучшения генофонда и продолжения рода. Восстановить репродуктивную силу общества нереально без ревальвации ценностной системы, которая базируется на системе однозначных оценок обществом всех проявлений деструктивных сил, то есть четко очерченных границ «добра и зла» (с помощью заповедей, кодексов или иных инструментов) при соответствующей информационной среде. Целью антидепопуляционной политики государства, по мнению А. Антонова, «является такое изменение ценностных приоритетов общества и семьи, при котором возможно усиление самой потребности в детях»¹. Проблема решается в комплексе, в том числе требуется изменение статуса семьи в экономической системе, как отдельного целостного хозяйствующего субъекта и налогоплательщика. Отказавшись от диктата экономики в решении национальных задач, необходимо разрабатывать как разносторонние компенсационные инструменты, ставящие перед семьей дополнительные социальные и экономические задачи, реализующие ее функции и обуславливающие наращивание прочных связей внутри этой ячейки, так и новые общественные регуляторы семейных отношений.

¹ Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России // Демографические исследования 2011. 26.09.11 №12 (эл. ресурс) // URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=XIX65 (дата обращения 14.01.13)